

Станислав
СЕНЬКИН

СЕМЬ
утерянных
ДРАМ

Станислав Сенькин

Семь утерянных драхм

«Автор»

2009

Сенькин С. Л.

Семь утерянных драхм / С. Л. Сенькин — «Автор», 2009

Действие новой книги Станислава Сенькина происходит в современной России. Шесть глав повести, шесть человеческих судеб оказались связанными между собой по воле Божией. С героями происходят сложные нравственные метаморфозы. Автор предлагает читателю доверять промыслу Господнему и не осуждать ближнего, как бы низко он ни пал. Утерянные драхмы – это заблудшие грешные души, которые Господь, согласно евангельской притче (Лк 15: 8-10), усердно ищет. Развитие сюжета направлено к седьмой – ненаписанной – главе. К седьмой драхме – сердцу каждого думающего читателя, жаждущего быть найденным Господом, как и герои этой повести.

© Сенькин С. Л., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Драхма первая. Человек из касты неприкасаемых	6
Драхма вторая. У Бога все овцы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Станислав Сенькин

Семь утерянных драхм

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Или какая женщина, имеющая десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжет свечи и не станет мети комнату и искать тщательно, пока не найдет? А нашедши созовет подруг и соседок и скажет: порадуйтесь со мною, я нашла потерянную драхму. Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божьих и об одном грешнике кающемся. (Лк. 15: 8-10.)

В евангельские времена приданое обычной восточной женщины составляло где-то около десяти драхм, которые незамужняя девушка обычно носила на шее, на цепочке. Девушка, которая не имела необходимой суммы, могла на Востоке и не выйти замуж.

Автор

Драхма первая. Человек из касты неприкасаемых

Сегодня я не выпил еще ни грамма, но почему-то спотыкался на улицах Москвы, ловя презрительные взгляды горожан. Маленькие дети тыкали в меня пальцами как в диковинную обезьяну-урода. Мамы старались как можно скорее отвести любопытствующих детей от меня. Они говорили, что я – плохой дядя.

И впрямь, хорошим меня сейчас назвать было бы трудно. Мой внешний вид подтверждал это, а на внутренний всем было плевать. Я был одним из тех бедолаг, кого называют бомжами. Недельной небритости щетина, грязь под ногтями, пожухлая пыльная одежда и особенный, землистый, прокопченный цвет лица и рук вызывали отвращение и отпугивали нормальных людей.

Я периодически находил в контейнерах сравнительно новую одежду, но почти всегда менял ее на водку у знакомого жуликоватого продавца из секонд-хенда. Днем я пил и с тоской ожидал наступления вечера, когда необходимо было искать себе пристанище для ночлега. Единственным приятным временем для меня оставалось время сна. Именно поэтому мы – бомжи – хотим превратить остаток своей жизни в сон...

Плохой дядя! Люди всегда думают о других хуже, чем они есть, и учат тому же своих детей. Почти во всех взглядах можно было прочесть: «Хорошо, что я не такой грязный (вши-вый, вонючий, ободранный и т. д.) как этот бродяга». И эти, с елейными лицами, из Иверской часовни, не лучше остальных, хотя называют себя братьями и сестрами. Но их лицемерные потуги все же были лучше прямого презрения, хотя прежде всего они убеждали себя же самих в собственной праведности. Меня им провести не удастся...

Но пусть хоть так... Ведь обычно в меня, словно острые камни, летели обвиняющие и злобные взгляды, хотя изо всех сил я пытался вызвать сострадание.

– Пожалейте меня, люди!

Но нет... даже их жалость продиктована эгоизмом. Сердце моё огрубело и я возненавидел людей.

Нормальные законопослушные граждане не только не жалели меня – они молчаливо обвиняли, я даже не имел возможности оправдаться. Я выглядел тем, кто, вопреки всем законам, не желал впрягаться в хомут и тянуть его до смерти – лентяем, мошенником и слабаком. И я действительно не хотел впрягаться, мне было противно принимать сердцем обыденную точку зрения, когда мериллом всего признаны успех и деньги. Это было единственным, чем я, человек из касты неприкасаемых, мог гордиться.

А, может, я просто не был способен принять ответственность за себя и других, разделить эту обывательскую точку зрения? Все же подаяния я принимал охотно. С наслаждением допивал остатки пива и подбирал на автостоянках окурки от дорогих сигарет. Я, определенно, жил за счет других. Я перестал считать дни, а если здоровье позволит ещё пожить, перестану считать и годы. Но, скорее всего, как человек из «касты неприкасаемых», я буду умирать раньше отпущенных мне лет.

С тех пор как я попал в «касту», я занимался непрерывным самокопанием, пытаюсь отыскать в собственной душе, как на огромной подмосковной помойке, что-нибудь хорошее. Когда находил или думал, что находил, искренне радовался. Но эта радость быстро улетучивалась словно воздух из дырявого шарика. Дырявого, как мой грязный пиджак от Versace, найденный в одном из контейнеров. Его я почему-то решил не выменивать на водку. К тому же с каждым днем мне становилось все холодней. Осень только началась, но природа уже готовилась к наступлению зимы.

Зима – это смерть для слабых духом!

Моя личная трагедия настигла меня прошлой зимой, когда стоял мороз в двадцать пять градусов и дул порывистый ледяной ветер. Мне тогда больше всего хотелось умереть. Родной город проклял меня, свет померк, и глаза перестали отличаться от глаз пробежавших мимо бродячих собак. Новой зимы я уже не переживу. Хотя я думал, что не переживу и миновавшей.

Старая жизнь отпускала меня быстро и без сожаления. Уже бывшие друзья – милые прежде собеседники и собутыльники – покидали меня один за другим. Остался последний институтский приятель, он выручал меня деньгами и одеждой. Но с каждой нашей встречей я чувствовал, как между нами растет глубокая пропасть. Сострадание уступало место отвращению. Меня это не особенно тревожило, я и сам хотел остаться в одиночестве. В одиночестве дышать остаток жизни и в одиночестве умереть.

Городские смрадные ветры и асфальт, пивные бутылки и понурые лица гордых неудачников, таких же грязных и полупьяных, как и я, стали моим окружением.

Абсолютная свобода затянула в свои сети, где уже и так было полно барахтающихся жертв. Я катился по широкой дороге в незнакомую страну, в мир голодных жестоких духов... Катиться было удивительно легко: теряя самоуважение, я терял душевную боль – и людское презрение больше не ранило меня. В этом земном аду царил один закон: делай всё, что хочешь – и мне осталось только подчиняться этому закону. Но от такой свободы хотелось взвыть.

Теперь я был хозяином всего своего времени – достаточно, чтобы подумать о жизни, но думать не хотелось – хотелось выпить.

Казалось, что алкоголь, словно соль, сдерживает разложение души, но это было далеко не так – выпив из мутной лужи трех вокзалов, я стал козленочком, и добрых сил всего мира не хватит, чтобы расколдовать меня.

Площадь трех вокзалов – самое скверное место столицы. Наверняка большинству россиян это гнусное пристанище бродяг говорит сегодня о Москве больше, чем тот же Кремль. Каждый день на три вокзала прибывают сотни тысяч человек. Кто-то отправляется дальше, а кто-то остается на площади навсегда...

Недавно я прибил к Казанскому вокзалу, к близлежащим ларькам. Два непрестанно ругающихся между собой азербайджанца взяли меня на работу дворником за право собирать бутылки и канючить милостыню у покупателей. Единственным их условием было, чтобы я по-минимуму следил за собой, дабы мой излишне запущенный внешний вид не отпугивал покупателей шаурмы. Для меня – привокзального бомжа – это место было хорошим. Но я знал, что бомжацкая идиллия продлится недолго: здесь, на забытой Богом площади, все было недолгим.

В лихие девяностые площадь трех вокзалов превратилась в настоящий центр человеческой деградации, школу смерти еще до всякой смерти. В академию попрошайничества и университет самоуничтожения. Здесь, на площади, правил бахус. Огромные рекламные щиты новой марки пива, развешанные на стенах всех вокзалов, гласили: «Эволюция короны в России». После шапки Мономаха и царственного венца в Россию пришла новая монархия – с пивной короной, которую примерил на себя демон алкоголизма. – «Пейте, гуляйте, – призывал новый «монарх», – спивайтесь, умирайте...»

Я еще не хотел умирать, поэтому и сторонился воинствующих вурдалаков, которые еще носили человеческие имена. Они уже окончательно утратили стыд и разговаривали преимущественно междометиями. Их руки были в порезах от разбитых бутылок, а в головах у них демоны свили гнезда и напевали свои демонические колыбельные.

Здесь, на площади, можно было найти людей из всех общественных сословий – от рабочего до ученого, от крестьянина до спившегося бизнесмена. Три вокзала перемалывали их, как безжалостная мясорубка. словно антиподы олигархов и богачей-нуворишей, слонялись мы по площади, с каждым днем деградируя все сильнее и сильнее. Кто-то превращался в вурдалака раньше, кто-то позже, но превращение было неизбежным. Еще можно было бороться, но

каждая попытка сопротивления заканчивалась очередным запоем. Шаг вперед превращался в десять шагов назад, и невозможно было устоять под растлевающим дыханием дьявола. Утешала лишь водка, но это было лукавым утешением.

Путь сюда, на площадь, лежит через пьянку, но бывают и исключения. Когда-то я был совершенно не пьющим человеком. Теперь-то мне без бутылки не обойтись. По нашим бомжацким понятиям алкоголь помогает выжить и смириться со своей участью. Участью российского бомжа. Участью, от которой, согласно русской поговорке, лучше не зарекаться.

А ведь еще совсем недавно я – наивный представитель столичной творческой интеллигенции – входил в двадцатку лучших художников города! Я был горд собой и полагал, что правительство будет беречь свою интеллигенцию и заботиться ней. Слишком поздно я понял, насколько новому правительству на меня в буквальном смысле плевать.

Несколько лет назад у меня тяжело заболела мама, которая жила в деревне в одном из районов Новгородчины. Нужны были деньги на лекарства и уход за больной. Я принял трудное решение продать свою однокомнатную квартиру на Ленинградском проспекте и переехать к маме – денег с избытком хватило бы на нашу жизнь и ее лечение. Я думал, что поступаю как заботливый сын, да и творчество в сельской местности пошло бы лучше...

Приятель-иуда порекомендовал мне одно квартирное агентство, «которое не тратит много времени на бумажную рутину». При первом знакомстве с риелторами этой фирмы у меня появились сомнения, – их внешний вид, повадки и лексикон вызвали в памяти телесюжеты криминальной хроники. Но я подумал тогда, что черные риелторы – уже вымерший вид преступников, как и рэкетеры. Оказалось, я ошибался. Отрезвление было быстрым и жестоким. Пока шло оформление документов, меня заперли в квартире и даже в туалет я мог выйти по разрешению. Все это время меня поили водкой, вливая ее почти насильно. Я падал на грязный пол и засыпал с надеждой, что на следующий день все это прекратится. Но следующий день оказывался еще страшнее. Через несколько дней меня было уже не узнать.

Меня жестоко били, тонкая художественная натура сломалась быстро. Так я лишился квартиры, слишком легко и слишком жестоко, как мне тогда показалось. Но бандиты, хотя здравый разбойничий смысл предписывал убийство, сохранили мне жизнь. Может быть, просто мой пожухлый вид не вызывал у них никакого опасения. Может быть...

Затем мне пришлось испытать еще одно сильнейшее разочарование. Оно настигло меня в районном отделе милиции, где следователь отказывался принять у меня заявление, так как я сам, абсолютно добровольно, подписал бумаги, лишаящие меня жилья. Следователь задумчиво посоветовал мне не рыться в прошлом, а подумать о будущем, потому что меня могут лишить и жизни. Он, оценив меня, как слюнтяя, не способного отстаивать свои права, советовал мне не писать заявления! Я оторопел, ведь на дворе шли уже далеко не девяностые, и страна ощутила некое подобие стабильности.

Конечно же, я, несмотря ни на что, подал заявление...

Бритые головорезы выловили меня у дверей квартиры, к которой они как раз приехали оценщика из крупного агентства, вывезли меня в ближайший подмосковный лесок, дали лопату и заставили копать самому себе могилу. Трясущимися руками я смог выкопать только небольшую ямку в снегу. Умирать не хотелось, и я ненавидел себя за это. Через полчаса браткам наскучило смотреть, как я ковыряюсь в промерзлой земле. Они дали мне пару тычков под ребра, презрительно двинули ногой под зад, приказав больше не ошиваться в районе Ленинградского, и укатали на своем Audi. А я сделал свой первый шаг в бездну – поднял с земли окурки.

У меня совсем не было денег и пришлось ночевать на местном вокзале рядом с цыганами, «патрулирующими» подмосковные электрички. На вторые сутки меня, холодного и голодного, привели в линейное отделение милиции, где опять избili и унизили – тогда я еще чувствовал унижение. Здоровенный, злобный майор сразу же дал мне понять, кто я такой и как мне

предстоит теперь жить. Можно сказать, что он открыл мне глаза на суть вещей и стал моим духовным отцом. С того дня у меня не осталось никаких иллюзий. Я – бомж, и мне следует теперь держаться подальше от нормальных людей. Теперь я человек из «касты неприкасаемых». Отчаявшись получить помощь от милиции, я больше не стал туда обращаться, к тому же, я боялся бандитов. Им было плевать и на собственные жизни, не говоря уже о моей.

Но у меня оставался еще один шанс – возвращение в отчий дом. Я поехал к маме, окрыленный надеждой, что, как в детстве, она спасет меня от зла. Кошмар прекратится, она выздоровеет, и мы снова будем жить как раньше – в скудости, но в любви.

Добираясь до родной деревеньки на перекладных, я чувствовал почти религиозное воодушевление. Меня, как я думал, ждал самый светлый и любимый человек – мама.

Но меня встретил последний удар судьбы, – мама, пока я разбирался с квартирой, умерла. Родная сестра моя, похоронив маму, продала дом за копейки и уехала в неизвестном направлении. Сестра всегда завидовала мне... Впрочем, теперь это не имело уже никакого значения. Я чувствовал, как в моем сердце что-то надломилось. Теперь я стал совершенно свободен – надо мною воцарились тишина, небо, полное дождя, дождь проходил сквозь меня, но боли больше не было. И я запил, в первый раз в настоящем значении этого слова.

Сельские соседи мамы поначалу сильно сочувствовали мне, но это было, что мертвому припарки. Я остался один. Человек из «касты неприкасаемых». Я пил самогон на могилке, не закусывая, и засыпал, уткнувшись в свежий могильный холмик. Потом просыпался, шел в деревню и закладывал самогоннице последние вещи, что оставались у меня – часы, портмоне и золотое кольцо. Я плакал и беспробудно пил, совершенно не отдавая себе отчета в том, что происходит вокруг. А вокруг селяне безуспешно пытались привести меня в чувство. Поначалу мягко будили, увещевали, даже однажды принесли с утра огуречного рассола. Но кончилось тем, что выгнали взащей с кладбища. Мне уже было все равно. Из этого мира ушло все, что я любил, отныне меня окружал враждебный мир.

Повинуясь неясному, но сильному животному импульсу я возвратился в Москву, ругаясь с контролерами в электричках, обшаривая контейнеры на перекладных станциях и употребляя алкоголь по мере возможности. Дважды подрался с полудохлыми конкурентами у контейнеров, в совершенстве освоил мат...

Так я попал на самое дно и с ужасом ждал, когда же превращусь в одного из этих вурдалаков – людей, потерявших всякий человеческий облик. Я бы хотел, чтобы игра закончилась гораздо раньше последнего превращения. Всякий раз полнолуние выводило меня из равновесия – я пытался плакать, но чувствовал на лице непонятную ухмылку. Это как ВИЧ: ты еще можешь жить с ним какое-то время, но последняя стадия болезни необратимо убивает.

Надежда еще трепетно продолжала жить, но голос сердца подавлял её словами Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

Я находил в себе силы пародировать действительность. Если и есть на земле пародия на ад – то это площадь трех вокзалов.

Я шел туда по кольцу, старательно избегая маячащих милиционеров. Сегодня я еще не выпил ни грамма спиртного, но шел и спотыкался, ловя презрительные взгляды прохожих...

Несколько часов назад я пытался просить милостыньку у Иверской часовни – на входе на Красную площадь. Это место было и остается для нищих одним из самых хлебных, за него постоянно идет драка.

Иверская часовня и находящаяся там Иверская икона Божией Матери во все времена считались хранителями Третьего Рима. Но часовня мало кормила нищих, их кормил так называемый «нулевой километр». Люди, приезжающие в Москву, почему то считали своим долгом придти к этому километру и бросить через левое плечо монетку. От этого простого действия человеку якобы будет сопутствовать удача. Чаще всего монеты быстро прибирали к рукам предприимчивые старушки или грязные полупьяные бомжи.

После получасовой попытки мне так и не удалось пробиться к кормушке «нулевого километра», и я отошел к часовне, где уже стояло несколько нищих, которые, судя по их мрачным лицам, также не собирались пускать меня на свою территорию.

...От холода я пробрался внутрь часовни, огляделся. Внутри читались какие-то молитвы, нескладный хор вторил молодому священнику:

– Радуйся, обрадованная, печаль нашу в радость претворяющая...

Я посмотрел на скорбный лик Божией Матери с Младенцем, вспомнил свою маму, то, что я так и не сумел с ней проститься, и, неожиданно для самого себя, тихо заплакал. Слезы лились по худым небритым щекам. Меня никто не гнал прочь: видимо, мои эмоции тронули молящихся, и они смирились с тем, что стоят в этом тесном молитвенном помещении рядом с таким мрачным и опустившимся типом, как я.

Мы молились все вместе, я даже пытался подпевать:

– Радуйся, обрадованная, печаль нашу в радость претворяющая...

После окончания акафиста я подошел к образу последним и приложился к нему. И мне действительно показалось, что все молящиеся в этой часовне были братьями и сестрами.

Священник в очках дал мне поцеловать крест и доброжелательно кивнул головой в знак одобрения. Меня это поразило – сколько я ни старался вызвать в людях сочувствие, – люди в ответ только презирали меня, а здесь, пусть и на краткие мгновения, они отнеслись как к равному. В это нелегкое время Церковь оставалась едва ли не единственной организацией, которая объединяла богатых, благополучных людей, с такими обездоленными, как я.

Молодой священник с аккуратной бородкой попросил меня обождать, пока он складывал свое одеяние в коричневый кожаный чемодан. Затем он вышел со мной из часовни и дружелюбно задал несколько общих вопросов. Потом отвернулся, пошарил в карманах и дал немного денег. Я стал было благодарить его, но он отмахнулся и бодрым шагом направился к метро.

А я – на площадь трех вокзалов. Бомжи старались не ездить в метро. Милиция получила неофициальный приказ не пускать нас в подземку...

Я посмотрел, как люди спускаются в подземный переход, спеша домой или по делам, и радость отпустила меня. Реальность снова показала мне, кто я есть на самом деле. Минутное воодушевление от теплого приема, который оказали мне незнакомые верующие в часовне, сменилось приступом злобы: «Ну, улыбнулись они разок, умилились видом кающегося нищего и разбрелись «братья» по своим удобным норам, а я вновь должен взирать на всю эту привокзальную публику и ожидать собственного превращения в вурдалака, которое может случиться в любую полную луну. Помолился я, поплакал... и что дальше?»

А что может быть дальше? Почти у всех моих знакомых бомжей были очень сложные отношения с Богом, – большая часть бездомных отрицала его существование. Другая – не верила в его милость.

В самом деле – если Он такой добрый и заботливый, если Он всех так любит, почему же Он оставил нас гнить на проклятой площади? Сейчас я готов был задать любому богослову тысячу «почему», и был уверен, что даже на одно из них мне никто не сможет дать вразумительный ответ. Моя теплая молитва в храме оказалась гребнем большой волны, с которой я упал в ещё большую бездну отчаяния и тьмы. Контраст между религиозной доброжелательностью верующих «братьев» и реальностью был так велик, что я заплакал. Слезы не утешали, но, как дешевое обезболивающее, приглушали боль.

Я пощупал в кармане деньги, которые дал мне священник – жалкие гроши! А он-то небось думает, что сделал доброе дело, облагодетельствовал меня. Будет еще хвалиться перед своей матушкой, что пожалел бездомного, дал ему немного денег за то, что тот умильно поплакал перед иконой.

А я, между прочим, не для него плакал – я перед матерью своей плакал, прощения просил, что не успел с ней попрощаться перед смертью... И не нужно мне их лживое умиление!

На этих обвинениях я не остановился, стараясь докопаться до источника всех бед, случившихся со мной.

А не было никакого источника! Просто, Богу нет никакого дела до того, как я живу! Поэтому, если я Богу не нужен, Он мне тоже не нужен! Я проживу и сам, пусть только не вмешивается в мою жизнь и не уничивает меня до конца!

Я распался все больше и в таком воинственном настроении дошел до площади трех вокзалов. Посередине самой площади есть небольшой скверик, где я присел на бордюр, предвзвешенно купив в ларьке на бабушкины деньги две бутылки пивка – хватило копейка к копейке.

...Наступал вечер, бомжи, сбиваясь в стаи, соображали на очередную попойку, оглашая площадь дикими воплями. К вечеру площадь становилась еще более страшной. Почти дню ночь здесь кто-то подыхал от водки. «Врачи без границ» каждое утро вывозили белогорячных невест куда. Я знал многих, кто готов был встать на карачки посреди площади и залазать за стакан водки. Дело даже не в том, что водка была дорогим продуктом – я мог набрать на бутылку за десять-пятнадцать минут. Дело в том, что вурдалаки считали собственное оскотинивание делом свершившимся и бесповоротным, им даже нравилось уподобляться собакам и свиньям. Меня еще воротило от такой первобытной непосредственности. Но как знать – может быть, через полгода я и сам буду таким...

Превращение неизбежно, как день превращается в ночь – сейчас как раз начинало темнеть. Пора было подумать и о ночлеге. Я почти допил свое пиво, как вдруг с удивлением обнаружил, что рядом со мной, метрах в пяти, на бордюрчик присел весьма странно одетый человек в ветхом средневековом плаще, капюшон которого покрывал его голову.

Мне хватило нескольких секунд, чтобы понять сердцевиной души, что рядом со мной находится именно он – Странник. Вначале я хотел призвать на помощь здравый смысл и насильственно убедить себя в том, что это не так, что это простой бездомный безумец, но лишь бессильно улыбнулся. Конечно же, это был Странник – самый первый бомж «трех вокзалов», с которого все и началось. Я много думал о нем, и вот – он пришел ко мне.

Много раз, от самых разных обитателей проклятой Богом площади, я слышал легенду о страшном проклятии Странника. Легенда эта связывала прошлое с будущим и объясняла, почему площадь трех вокзалов столь темна и угрюма.

Бомжи из интеллигентов часто за чарочкой рассказывали и пересказывали друг другу эту легенду и до ужаса боялись встретиться со Странником. Встреча с ним якобы сулила верную смерть.

В своей классической версии, как мне рассказывал один бывший преподаватель философии, легенда звучала так...

...Случилось это в счастливое время правления князя Ивана Калиты. Москва была еще не очень большим городом и на её окраинах стояли слободы и монастыри, при которых кормилось множество нищих, стекающихся сюда со всей Руси, дабы получить милость от князя.

Тогда на месте трех вокзалов были топи, а рядом протекала грязная речушка Чечера. Это было совсем безлюдное место – никто не хотел здесь строиться. По преданию, в дохристианские времена здесь находилось мерзкое капище Мокоши, которой язычники подносили золото и меха.

И вот на этом-то болоте был построен монастырь. Обычно обители строили в самых красивых местах, рядом с источниками и чистыми реками. А этот монастырь стоял прямо посреди болота на острове из черного рыхлого песка, рядом дымились торфяники, из недр которых исходили ядовитые испарения, от чего мутился разум. Добрые христиане сторонились этого места, считая его обиталищем нечистого духа.

Возможно, воздвигнув монастырь, строители хотели очистить это скверное болотистое место от бесов молитвами монахов. Или какой-нибудь князь-язычник, внешне исповедовавший Православие, хотел ублажить своих славянских богов. Никто точно этого не знает. Исто-

рия изгладила из своей памяти даже, чему или кому была посвящена эта обитель. Говорили, что раньше здесь подвизался один монах из княжеского рода, которого братия погнала из родного монастыря, уличив его в грехе Иуды – сребролюбии. Гордый монах, несмотря на свою страсть, был большим аскетом, и вокруг него собралась группа единомышленников. Так вырос новый монастырь. Но не суждено было этой обители стать духовным центром древней Руси.

Монахи монастыря славились скупостью и жестокосердием. Они получали богатые пожертвования от родовитых людей. Митрополиту жаловались, что обитель процветала потому, что игумен тайно, ради денег, благословлял молиться за самоубийц и сгоревших от вина. Что он вписывал их имена в синодик для «вечного поминовения». Также он якобы крестил уже умерших в язычестве по просьбе их богатых родственников, которые выкапывали прах язычников и тайно перевозили в обитель. Игумен лично проводил обряд крещения над останками, затем прах хоронили на небольшом пятачке земли посреди болота, на котором и стоял монастырь. Так вокруг монастыря выросло целое кладбище родовитых язычников.

Внешне в монастыре все было благопристойно – братия ласковой и смиренной, а игумен радушным, но золото мутило очи, и монахи погружались в пучину колдовства и пьянства. Дьявол взял их под свое покровительство и затуманивал умы паломников внешним благочестием.

Богатства обители росли вместе с умножением в нем нечестия. Долготерпеливый Господь ждал, что монахи одумаются и покаются, но они с каждым днем все больше озлоблялись. Игумен учил братию втайне, что сребролюбивый Иуда, на самом деле, правильно сделал, предав Христа, иначе бы не было самого чуда искупления.

Монахи стали исповедовать особое тайное учение, согласно которому истинный искупитель и есть Иуда, который пошел в ад ради того, чтобы люди спаслись. Подобное не могло продолжаться вечно в православной Руси. Небесная кара для сребролюбцев и богохульников была неизбежна.

И вот однажды в ненастный осенний день постучался в двери монастыря исхудалый паломник в ветхом плаще, больше похожем на рубище, и жалобно попросился на ночлег. Шел ливень, а вокруг болота рыскали стаи волков. Монахи, позабывшие заветы Христовы, надсмелялись над нищим. Его убогий вид и ветхая одежда вызывали у них только презрение. Привратник стал гнать нищего вон.

Но тот еще стоял под воротами, промокший и озябший, и попросил вынести ему хотя бы краюху хлеба. Но, увы! Черными словами отвечал ему привратник и пригрозил натравить на него собак. Тогда странник поднял свой посох и призвал гнев Божий на обитель и монахов. Затем повернулся и широкими шагами начал удаляться прочь. Тучи странным образом разбежались, и выглянуло солнце.

Испугался привратник гнева Божия и побежал к игумену доложить о необычном нищем, его проклятии и внезапной перемене погоды. Игумен сидел в своей келье, положив руки на голову – страшные думы тревожили его, боялся он наказания за свои преступления против веры и Бога. Приказал тогда наместник вернуть странника, накормить и принять на ночлег, но того уже и след простыл. Помрачнел игумен, сжал в руках четки из драгоценных камней; понял он, что неспроста приходил ко воротам монастыря этот странник, вместе с его проклятием обрушится на монастырь и гнев Божий.

Тем же вечером случилась страшная гроза – и монастырь, вместе со всеми насельниками, ушел на дно болота. С тех пор на этом месте никому не удавалось ничего построить. Лишь иногда слышат люди жуткие крики ушедших под землю монахов...

Я знал эту легенду еще до того, как попал в «касту неприкасаемых». Еще институтский преподаватель по композиции говорил мне, что из земли, оставшейся на месте провалившегося монастыря, предприимчивый художник Никитин изготовил волшебные краски. Человек, чей портрет был нарисован был этими красками, в скором времени погибал. Такой портрет,

дескать, незадолго до своей гибели заказал Никитину и Лермонтов, якобы обуреваемый желанием свести счеты с жизнью.

...Когда на площади трех вокзалов строили метро, на самой середине Комсомольской площади планировался один из выходов подземки – на этом месте и был когда-то монастырь. Зыбучая земля поглощала технику, и рабочие слышали под землей странные крики. После того как однажды во время работы провалились люди, выход из метро было решено перенести. А на проклятом месте, прямо посреди дороги разбили сквер, где я сейчас и сижу.

С тех пор, раз в году, в тот самый день, когда обитель провалилась сквозь землю, якобы и появляется Странник. Он идет по трамвайным путям, подходит к центру сквера, трижды крестится и уходит в никуда. А дня этого никто доподлинно не знает. И еще, говорят, встретившийся глазами со Странником, согласно легенде, непременно погибает. Поэтому голову и лицо Странника покрывает капюшон...

Может быть, половина из этих мрачных подробностей была лишь людскими домыслами, или даже выдумкой опустившегося профессора, но меня эта история поразила в самое сердце.

Сейчас я сижу рядом с человеком, полностью подходившим под описание Странника. Он был недвижим и безмолвен, но словно приглашал меня к диалогу. Напряженная фигура излучала внимание. Обитатели трех вокзалов носили обычно ту же одежду, что и простые горожане, только рваную и грязную.

Я был реалистом и понимал: может быть, смерть подбиралась ко мне, ведь я смертельно устал жить, вернее, существовать, устал быть презируемым полуголодным оборванцем.

Неужели, прикрыв лицо капюшоном, за мной явилась моя смерть? Почему-то я представлял смерть в виде старика, у которого нет лица. Я даже когда-то написал небольшую картину под названием «У смерти нет лица».

Возможно, я просто сошел с ума, как многие и многие обитатели площади трех вокзалов. В моей короткой памяти бездомного отпечатались немало картин «тронувшихся» бомжей – слабые человеческие умы не могли примириться с ужасающей действительностью и создавали новые миры, расписывали свое будущее нежной акварелью, как художник расписывает картину.

Почти у каждого обитателя площади – в том числе и у меня – было по вымышленному богатому родственнику, который, согласно сценарию, либо скоро умрет, оставив большое наследство, либо приедет на дорогой машине и увезет подальше от этого ада.

Женщины чаще выдумывали про бывших возлюбленных, которых они когда-то отвергли, но отвергнутые еще продолжали их любить. И каждая по секрету делилась с первым встречным сердечной тайной: её возлюбленный, добившись успеха в жизни и обуреваемый великой страстью к ней, не погнушается её теперешним состоянием и введёт за ручку в свой особняк на Рублевке, как сказочный принц Золушку во дворец. И будут они жить долго и счастливо... Из той же серии были добившиеся успеха дети. И так далее и так далее.

Как люмпен-интеллигент, я обладал изрядной долей критического мышления и понимал, что этот сидящий рядом незнакомец мог быть таким же плодом воображения как и «богатый родственник».

Может быть, его появление – как бы гулкое эхо, ответ неведомых сил на моё недавнее посещение Иверской часовни, на показное радушие христиан – когда благополучный православный люд способен только умиляться чужому жалкому виду и слезам. Помогать эти христиане мне не станут, нет, как и монахи потерянной в земных трясинах обители не помогут страннику. Они не пустят к себе на ночлег, не обогреют своей любовью... Могут лишь дать немного денег на пиво, чтобы не так больно было катиться по наклонной в пропасть.

И я тоже готов проклясть людей, как Странник, чтобы весь этот благополучный мир провалился под землю, как тот средневековый монастырь, в котором религия стала всего лишь способом добывания денег.

Так что же – я сошел с ума? Что ж... может быть, это и к лучшему, что у меня поехала крыша. Возможно сумасшествие избавит меня от мучительного превращения в вурдалака...

Странник молчал...

И я молчал. А что я должен был говорить? Увольте, я не был готов к тому, чтобы разговаривать с плодом собственного воображения. Но и молчание может быть многозначительным... Ведь молчание Странника что-то значило? Мне захотелось выпить как минимум два стакана водки, чтобы происходящее хоть как-то стало приемлемым для ума.

Пожалуй, самое страшное, что я видел в этой жизни – это когда сходили с ума от белой горячки вурдалаки. Почти все из них делали одни и те же движения – наматывали на руку воображаемую проволоку, как будто желая потом отнести ее в пункт приема цветных металлов. Они могли сидеть так часами, бормоча под нос... Это было ужасно.

Странник молчал.

Я посмотрел себе под ноги, где стояли две почти пустых бутылки пива – все, что осталось от батюшкиной милостыни. Мне вдруг стало интересно: жалеет ли Странник о том, что обрушил на монастырь свое проклятие?

Странник молчал.

Мне не хотелось больше думать, мне хотелось действовать. Я решился вступить со странником в диалог, пусть даже и воображаемый:

– Извините, не дадите покурить?

Эта фраза глупее не придумать слетела с моих губ машинально. Наверное, потому, что в последнее время я произносил эти слова чаще всего, чтобы разжиться халявной сигаретой.

Странник по-прежнему молчал.

Я не чувствовал себя глупо или неловко – бомзам, по большому счету, не свойственно чувство неловкости. Но все же я совершенно не понимал, как мне вести себя в этой ситуации.

А тем временем природа, запертая в гетто современного мегаполиса, уже готовилась ко сну. Солнце почти зашло, небо приобрело красно-коричневый оттенок, грязный, как у стен советских заводов. Словно ночные вороны в круг слетались серые дождевые тучи, в воздухе запахло сыростью. Становилось холодно, и нужно было искать нормальное место для ночлега, тем более, что уже начинало моросить. Ёжась от всего этого, я пожалел, что не было больше спиртного. Так или иначе, нужно было скорее отсюда уходить. Я посчитал жалость к собрату по несчастью недостаточным мотивом для продолжения разговора:

– Слушай, браток, тебе есть хоть где притулиться на ночь? А? Пойдем со мной, в километре отсюда возле Москвы-третьей есть один старый вагон – там обычно никого нет. А если и есть – то вполне приличные люди. Вурдалаки на вокзале обычно так нажираются, что далеко от площади не отходят, падают тут же на газонах. Пойдем со мной. – Я поднял руку к небу и повысил голос. – Эй, брат! Ты хоть слышишь, что я сказал?!

Странник, словно глухонемой продавец календарей, не нарушал своего молчания.

Я подумал, что глупо продолжать здесь сидеть – огрубевшая кожа рук уже чувствовала падающие капельки начинающегося дождя. Я неуверенно хмыкнул, поднялся и повернулся к подземному переходу. Дождь набирал силу, пора было уходить.

И вот только тогда Странник встал и словно моё зеркальное отражение повернулся к переходу – его лицо было по-прежнему прикрыто капюшоном.

Я осторожно спустился в переход – Странник последовал за мной...

До Москвы-третьей мы шли минут двадцать, спотыкаясь о рельсы и шпалы. Странник шел позади где-то на расстоянии пяти-шести шагов от меня. На протяжении всего пути он не проронил ни слова, да я и сам больше не делал попыток заговорить с ним.

Вагон, куда мы направлялись, стоял на запасной ветке, по которой давно, не первое десятилетие, не ходили поезда. Трухлявые мокрые шпалы между ржавых рельсов заросли травой и лишайником...

Мои рваные туфли безнадежно отсырели, а одежда насквозь промокла, когда я вскарабкался внутрь вагона. Я протянул было руку помощи Страннику, но он ненавязчиво отверг мою помощь.

В вагоне сегодня никого не было – это могло быть и хорошо, и плохо – в том случае, если этот Странник окажется опасным типом. Хотя я уже привык к моему попутчику, кто бы он ни был – Странник или обычный бомж – и не чувствовал никакой исходящей от него опасности.

В бывшем вагоне было темно и более чем просторно для двоих бездомных. Никто из привокзальных бичей сегодня не позарился на это пристанище, несмотря на то, что шел дождь. Здесь в правом углу, где в крыше вагона зияли дыры, можно было даже разжечь небольшой костерок, чтобы немного отогреться.

Я достал из кармана спички, когда вдруг услышал первые слова странника:

– Невеселая у нас судьба!

От низкого грудного голоса незнакомца я вздрогнул. Осторожно положив спички на пол, я удивленно повернулся к Страннику:

– Что вы сказали?

– Проклясть легко – простить трудно. – В его голосе не было каких-либо особых мистических интонаций, и я начал расслабляться.

– Чего? – Я невольно улыбнулся, живо вспомнив сцену молитвы в Иверской часовне и то, как я честил этих лицемерных верующих. Неужели Странник думает по-иному?

– Рабом греха быть легко – свободным трудно. – Странник сжал свои ладони. – Прости всех благополучных.

Недавний гнев с новой силой вспыхнул в сердце. – А почему я должен кого-то еще и прощать?! Ты посмотри, в какой грязи я живу!

– Именно потому, что ты ничего никому не должен, это и трудно.

– Что трудно?

– Прощать, – уточнил Странник. – Он поправил свой капюшон, как и прежде, не открывая лица. – Нормальные люди живут, полагая, что их мир устойчив, а жизнь предсказуема, но это не так – иногда одного сильного слова достаточно, чтобы поколебать основы их бытия. Они думают, что ты – лишь грязный нищий и всецело зависишь от них...

Я усмехнулся. – А что – это не так?

– Не так. В твоей, в нашей власти проклясть весь этот благополучный мир, чтобы он погрузился в конечную тьму. Ты можешь сказать свое сильное слово, а можешь промолчать. Но я все-таки прошу тебя простить людей. Проклиная их, ты проклинаешь собственную душу, ты многократно увеличиваешь зло в мире.

– А меня простит ли Господь? – этот вопрос был внезапен даже для меня самого. Он вырвался из глубин души словно птица из клетки.

– Простит, – утвердительно кивнул Странник. – Если ты найдешь в себе силы простить, то Господь тем более. – Затем он неожиданно встал и повернулся ко мне спиной. – Ты извини – мне пора. – Странник ловко выпрыгнул из вагона и пошел под дождем.

Я, удивляясь, подбежал к выходу и посмотрел на улицу. Незнакомец стремительно удалялся в сторону города. Тогда я громко крикнул ему вдогонку:

– Как тебя хоть зовут, добрый человек?!

Что-то невнятное донеслось из дождевой мглы – я не разобрал. «Проклять легко – простить трудно. Что ж, может быть». Я отошел в самый глухой угол вагона и сразу же лег спать, накрывшись тряпьем. Я довольно долго не мог уснуть и слушал, как дождь барабанит по крыше старого вагона...

...Через какое-то время предсказания Странника сбылись: в моей жизни произошли изменения в лучшую сторону – следовательно все-таки дал моему заявлению ход. Бандиты, отнявшие у меня квартиру, были пойманы еще на нескольких эпизодах и осуждены. Мне, к

великому счастью и удивлению, возвратили мою квартиру... Теперь есть куда спрятаться. Это ведь настоящее чудо для тех, кто понимает. Я часто думаю, зачем судьба испытывала меня? И не могу дать однозначного ответа. Но раз всё это со мной произошло, значит, это для чего-нибудь было нужно.

Моя жизнь постепенно вошла в нормальную колею. Я начал снова писать картины и зарабатывать хоть какие-то деньги, которых мне вполне хватало на жизнь. Год бомжевания запомнился мне очень ярко и повлиял на мое мировоззрение – во мне больше не было той спеси, свойственной «глубокой творческой личности», принадлежащей к «золотому фонду нации».

Разговор со Странником изменил меня, хотя я никогда после не пытался понять, что же со мной, собственно, тогда произошло. Но в память о нашей встрече я и написал картину «Проклятие странника». Её можно видеть в одной столичной галерее, она находится там уже довольно давно, потому как нет желающих ее купить.

И еще... После того, как я побывал в темном царстве трех вокзалов, я научился искренне жалеть бездомных и нищих. Я стараюсь, прежде всего, дарить им свою улыбку, а если и жертвую деньги, то не в коробку, а в руку и обязательно слегка пожимаю её в знак дружеского участия. Такая милостыня всегда находит отклик в сердце нищего, осмелюсь сказать, что это и есть настоящая милостыня.

И если у меня есть время, я всегда разговариваю с бездомными, утешаю их как могу, потому как, по слову Писания, «сам искушен быв может и искушаемым помощи» (Евр.2:18).

Я начал ходить в церковь и часто посещаю Иверскую часовню. Среди верующих я встретил очень много искренних и понимающих друзей, готовых помочь в трудную минуту. Хотя не сказать, что мне всё нравится. Передо мной всегда стоит образ ушедшего под землю монастыря. Конечно, для восстановления храмов и возрождения православия нужны деньги. Но, с другой стороны, нет другой на земле материи, более ожесточающей сердца людей, чем они. И мне не дает покоя одна мысль: а не может ли хитрый и лукавый диавол враждовать против церкви Христовой золотом, почетом и благополучием, чтобы сердца православных заплывали телесным жиром и покрылись коркой равнодушия? Ведь, несмотря на свою злобу, лукавый вынес урок, что открытое злобное нападение лишь усиливает Церковь...

Иногда мне снится один и тот же сон: я стою с группой молящихся в храме Христа Спасителя на патриаршей службе, а на улице – ужасная гроза. Вокруг меня молятся благочестивые прихожане и первые люди государства. И тут в храм хочет пробраться Странник, но перед его носом, ничего не объясняя, охранники закрывают двери, чтобы молящихся не оскорбил его внешний вид...

Тогда Странник поднимает посох и произносит свое сильное слово. Храм, вместе со всем великолепием и молящимися, уходит под землю...

Я просыпаюсь в поту и начинаю читать про себя слова псалмопевца Давида: «Блажен разумевай на нища и убога, в день лют избавит его Господь» (Пс.40:2). Постепенно я успокаиваюсь и понимаю, что это был всего лишь сон.

Успокоившись, я благодарю Бога, что когда-то внял слову незнакомца и простил людей, в первую очередь благополучных. А потом я молюсь, чтобы Господь и нас всех простил, как благополучных, так и не очень. Ведь если я нашел в себе силы простить, то Господь тем более простит.

Драхма вторая. У Бога все овцы

Время бежало быстрее, чем каких-то десять лет назад. Люди стали быстрее думать, быстрее прощать, но и оскорблять легче. Казалось, ни у кого не было времени подумать о душе. Единственно, о чем помнили каждую минуту, так это о деньгах.

Все сказанное, впрочем, касается и меня самого. Подчинившись духу времени, я стал зарабатывать много больше, чем я мог потратить. Я ненавидел стяжательство, но стяжал богатодать сего мира греховного. Становясь богаче, я становился черствее сердцем. Поначалу все казалось мне прекрасным. Видать, Господь благословил меня, как Авраама, духовно и телесно, и мне нужно было лишь благодарить Его за таковую милость и не забывать про бедных. Какое-то время я искренне пытался делиться своими доходами с неимущими, но с каждым днем делал это все неохотней. «Почему я должен делиться? – думал я. – Священник живет от алтаря, как заведено с древнейших времен. Чего мне стыдиться? Я не ворую, никого не обманываю, не ворочаю миллионами. Пусть новые русские делятся, чтобы Бог простил их...» Мне казалось, что в этих моих думах была правда.

Однажды я обозлился на нищих с паперти за то, что они приставали к прихожанам, а не сидели смирно со своими коробчонками, потупив взоры. Меня охватил гнев на этих грязных оборванных бездельников, и я прогнал их вон с церковного двора.

Тем же вечером читал положенную главу Евангелия и многократно перечитываемые строки, слова Спасителя, вдруг показались мне грозным обличением, они ранили меня прямо в душу:

«Напротив, горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете. Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их.» (Лк.6:24–26)

С того дня в мою душу проник холодный страх. Страх, который мучил меня вечерами после службы, утром до службы и особенно во время предстояния у престола, когда мне нужно было приобщаться Святых Таин. Я чувствовал себя Иудой – человеком, для которого Христос стал не источником жизни вечной, а способом заработка. Я даже не исповедовал подобные сомнения, потому как стыдился себя. Для московского священника высокие доходы – это нормально, и никто, кроме противников церкви, не видит в этом ничего плохого. Высокие доходы московского клира происходили ведь отнюдь не от старушечьих пенсий, а от богатых пожертвований и от общего высокого, по сравнению с другими российскими городами, уровня жизни. Если бы я стал слишком отличаться от своих собратьев, меня бы просто не поняли и перестали бы мне доверять. И я молчал, ежедневно, еженощно борясь со своими помыслами, и мучился от холодного страха...

Когда-то я был молодым, не в меру пытливым юношей, который считал религию опиумом для народа и готовился ко вступлению в комсомол. Я даже пытал себя чтением «Капитала» Маркса – ничего, конечно, не понимал, но продолжать читать по десять страниц в день. Родись я на десять-пятнадцать лет раньше, из меня, возможно, получился бы неплохой партиец, но Бог избавил меня от этой участи.

Мне было тринадцать, когда я поверил в Христа.

Будучи изрядным спорщиком, я часто дискутировал с соседом по лестничной площадке, который был нормальным парнем, моим ровесником, но почему то не собирався вступать в комсомол. Мишка-сосед был верующим человеком, он мог даже позволить себе хулить Ленина, что казалось мне тогда настоящим кощунством. Мишка был завидным острословом и мог непринужденно отстаивать свои взгляды, поднимая на смех оппонента. Я всегда проигрывал ему и мечтал о реванше. Мне хотелось его жестоко наказать, высмеяв христианство, но я знал о

религии лишь из нескольких прочитанных мною статей и рассказов отца о поповщине. Покопавшись в шкафах внушительной отцовской библиотеки, нашел там старенький экземпляр Нового завета на церковнославянском языке. Находка показалось мне удачной, ведь по моей детской логике христианские писания остались навсегда в прошлом, стали никому не нужным старьем. Я с удовольствием плюхнулся на диван: «Я докажу этому слюнтяю Мишке, что вся его вера в боженьку – полная чушь, и не будет он больше задира́ть нос! Сейчас запомню наизусть несколько глупостей», – думал я, устроившись поудобнее со стаканом молока. Мне действительно казалось, что Евангелие – собрание несусветных глупостей и курьёзов, во что здравому, пусть даже и тринадцатилетнему, человеку верить невозможно. И я решил прочесть Новый завет от корки до корки, чтобы доказать глумливому соседу, что он просто дурень.

Первые же слова Евангелия от Матфея, где упоминается о родословии Иисуса Христа от царя Давида, вызвали у меня недоумение и даже, пожалуй, легкое разочарование. Я рассчитывал обнаружить на этих замасленных страницах что-то наподобие бабкиных сказок. А здесь было дотошное перечисление каких-то имён, как в серьёзных исторических книгах. Я продолжил читать. Разочарование сменилось сильным интересом, и ночь застала меня с Писанием в руках.

Не сказать, что я сильно понимал, о чем шло повествование, но прочитанное, в отличие от заумных слов «Капитала», проникало в самое сердце. Слова Писания были удивительно красивы – от них веяло любовью и теплотой. С того дня я углубился в изучение Писания и прочел все, что было на эту тему в домашней библиотеке.

С Мишкой я все-таки поспорил. Но наш спор был уже не по поводу истинности веры, а о количестве книг Нового завета. Мой сосед удивился, когда понял, что я за несколько недель изучил Евангелие лучше, чем он. Мы по-настоящему подружились и коротали вечера, сидя на подоконнике лестничной клетки. Мы говорили обо всем на свете, в том числе и о Боге. Правда, вскоре Миша с родителями переехал в другое место. Мне было очень жаль потерять единомышленника.

Когда пришло время вступления в комсомол, я принял решение не связывать свою жизнь с прошлым. Отец тогда неприятно удивился, но препятствовать моему выбору не стал:

– Поступай, как знаешь. У тебя своя голова на плечах.

Шли годы, я поступил в университет, удачно женился, у меня родился сын. За это время я прислуживал в храме Всех Святых чтецом и алтарником. Меня любили за незлобивость и тихий нрав и на клиросе, и в алтаре, а батюшка настоятель часто беседовал со мной на духовные темы.

Однажды, на праздник Введения во Храм Божией Матери, после праздничной трапезы батюшка пригласил – меня на беседу к себе в кабинет. Я сразу понял, что предстоит серьезный разговор.

– Дмитрий, – сказал он тогда, – я думаю, что тебе надобно рукополагаться.

Меня как будто током ударило, ведь больше всего на свете я хотел служить! Правда, я подавлял в себе это желание, считая себя недостойным.

– Отец Илия! Да как же это я могу стоять перед престолом Божиим?! Разве нельзя найти человека более достойного, отец Илия?!

Отец Илия как-то странно посмотрел на меня. Он ожидал от меня подобной реакции, но весь его вид говорил о том, что он не одобряет мой ответ. Батюшка помолчал немного и сказал:

– Дима, прекрати нести чушь!

Отец Илия был моим духовным отцом, и я с большой серьезностью прислушивался к его словам. И слова эти почти никогда не противоречили тому, что я читал. Не мог мой духовный отец назвать мои сомнения чушью, ведь он сам учил меня считать себя хуже всех! Может быть, я слишком обостренно все воспринимал, но слова батюшки о том, что я несу чушь, резали мой слух. Я даже подумал, что ослышался, но отец Илия расставил все по своим местам:

– Не вздумай даже отказываться! Сейчас церковь в России только встает на ноги после долгого периода гонений. Подумай – после безбожных лет люди вновь потянулись к истине! Кто будет их окормлять, а?! А ты отказываешься. Ну, уж нет... Я долго думал. Никого лучше тебя у меня нет. Я уже рекомендовал твою кандидатуру в епархиальном управлении. – Батюшка поднял правую руку в знак того, что мне следует выслушать его до конца. – Я уже стар, народу с каждым днем прибавляется. Я не справляюсь один, Дима, ты видишь сам – служба, требы...

Я задумался. Мне не хотелось расстраивать духовника, однако быстро согласиться тоже не мог.

– Отец Илия, я не совсем уверен, рукоположение такое серьезное дело... Батюшка, вы меня простите, но я бы хотел взять на это благословение старца. – Тон последней фразы, даже к моему удивлению, был довольно твердый.

– Старца?! А какого? Хм. Ну, возьми, раз так хочешь... – Отец Илия даже покраснел и поежился от неудовольствия, но отговаривать меня от поездки к старцу не стал. Мы в тот день попрощались весьма холодно. Впрочем, уже на следующий день наши добрые взаимоотношения возобновились. Отец Илия даже похвалил меня впоследствии, что я отказывался от рукоположения, объяснив, что и сам когда-то поступил так же. Просто очень ему хотелось, чтобы именно я служил с ним в алтаре и помогал ему нести тяжелый настоятельский крест. Я стал молиться Матери Божией, чтобы она вразумила старца открыть мне волю Господню. Этот период времени запомнился мне удвоенными усилиями в битве со своими страстями. Я работал над собой, чтобы победить страсти, злобу и похоти, если уж Бог избрал меня на служение.

Весной я поехал в один монастырь к знаменитому старцу. Сердитая келейница смиряла нас, паломников, поучая, что мы должны очистить свои сердца от дурных помыслов, прежде чем удостоимся попасть к старцу. В первый день я так и не удостоился побывать у него. Во второй келейница, оценив мое терпение и смирение, провела меня к старцу уже на втором часу приема, давая последние бесценные наставления. Я вошел в келью и увидел усталого седовласого схимника.

Старец был именно таким, каким я его себе представлял: стареньким, благообразным, очень добрым и очень болезненным. Было видно, что прием многих посетителей дается ему нелегко. Старец спросил меня о семье и детях, задал несколько общих вопросов. Затем подарил мне иконку «Умиление» и освященное масло, благословив на рукоположение. Я выходил от старца просветленным и утешенным. Теперь я был уверен в себе, и мою душу переполняла радость. Вскоре меня рукоположили в дьяконы, а уже на Успение епископ возложил на меня руки, призывая Духа Святого даровать мне пресвитерскую благодать.

Первый год я ревностно подходил к своему новому служению и старался делать все как положено. Но постепенно старенький отец Илия перекладывал на меня некоторые административные полномочия. Мне приходилось решать финансовые вопросы, улаживать взаимоотношения прихожан и даже разбирать некоторые внутриприходские распри. Постепенно отец Илия совсем ослаб и уволился за штат, появляясь в храме лишь по субботам и воскресеньям. Он исповедовал своих духовных чад, в том числе и меня, помогая мне входить в приходские и епархиальные дела и разрешать трудные взаимоотношения со старостой и казначеем. Теперь я стал и настоятелем нашего храма. На меня обрушилась рутина повседневных проблем, достаточно серьезных и требующих скорейшего разрешения и, в то же время, незначительных с точки зрения духовной жизни. Сказать, что мне стало труднее, значит не сказать ничего.

Наш храм имел нескольких богатых спонсоров, помогающих в строительстве воскресной школы и жертвующих немалые деньги на многие храмовые нужды. Большая часть этих денег проходила через мои руки, причем спонсоры намекали, что я могу брать денежку и на свои собственные нужды. Я начал пользоваться этим и не замечал, где начинается черта между дозволенным и недозволенным.

Вторым большим искушением для меня как настоятеля стало увеличение числа просящих. Причем просили меня не только об исповеди, молитвах и требах. Меня стали просить о материальной помощи и о приеме на работу. В день ко мне подходили по несколько человек, рассказывали мне душещипательные истории о том, как у них украли документы, и они не могут уехать домой. Если бы я выслушивал их просто на исповеди, для меня не составляло бы большого труда оказать им необходимую моральную и духовную поддержку. Но когда речь заходила о деньгах, меня это начинало сильно напрягать. Я нервничал и терял душевный мир. Причем, независимо от того, помогал ли я просителям или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.